

Лев Троцкий

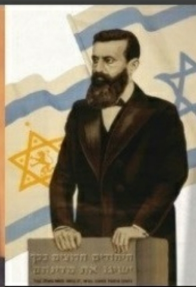
Сплошным безумием
революция кажется
тем, кого она отменяет
и низвергает

Барри Голдуотер

Экстремизм в защите
свободы не порок.
Умеренность в
борьбе за
справедливость
не достоинство.

Дэн Сяопин

Не важно, чёрная
кошка или белая
кошка. Если она
может ловить
мышей, это
хорошая кошка.

Теодор Герцль

Мы не дадим
даже возникнуть
бессильным
желаниям нашего
духовенства.

Евгений Белиловский СОЦИАЛ-ИНДИВИДУАЛИЗМ

Новая модель государства и общества

Евгений Белиловский
**Социал-индивидуализм. Новая
модель государства и общества**
Серия «Как сделать государство
намного лучше существующего и
избежать прошлых ошибок», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32524990

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11406-7

Аннотация

Сборник материалов, объединённых общей идеей — использовать то лучшее, что есть в социализме и капитализме, и отбросить не оправдавшее себя. Она включает в себя описание как содержания реализующей эту цель концепции социал-индивидуализма, так и еврейского (неиудаистского) и личного происхождения этой концепции. Значительное место в книге занимает проект конституции для Израиля, содержащий очень конкретный механизм реализации этой концепции, пригодный практически для любого государства.

Содержание

Предисловие	4
Краткие тезисы о социал-индивидуализме	8
История моей жизни вблизи политики	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Белиловский

Социал-индивидуализм – вариант новой организации государства и общества

Предисловие

Эта брошюра суть сборник моих публикаций в Фейсбуке после моей репатриации из России в Израиль. Туда не включены мои публикации советских времён, представлявшие в своё время некую альтернативу «перестройке»: они написаны в основном эзоповским языком, хотя понять содержание можно. Прежде всего это моя статья об изменениях правовой системы для преодоления протекционизма (сейчас это называется коррупция) в журнале «Советское государство и право» (№ 8, 1982), привлекавшая тогда, как отмечено в первом номере за 1983 г., наибольшее число откликов за весь год и отмеченная как одна из наиболее заметных публикаций в обзорной статье редакции журнала 2012 г. Там нет и моей рецензии на книгу «Эффективность гражданского законодательства» («Правоведение», № 5, 1985), включённой в наше время в сборник «Смольный: 300 лет», где «между

прочим» излагался проект организации экономики на подлинно социалистической основе. Желающие могут ознакомиться с этими статьями в любой научной библиотеке.

В данный сборник не включена также рукопись не изданной в своё время книги о преодолении группократии, содержащая мои предложения о новой модели государства и общества, в которой сохранялся социализм как экономическая модель, но коллективизм (названный там группократией), замещался индивидуализмом. Эта рукопись, как и другие мои материалы, включая обращения в различные инстанции, у меня в Израиле пропала, но была после моего отъезда помещена в Архив социально-политической истории, где с этими материалами и можно ознакомиться.

Сборник открывается моей политической автобиографией, поясняющей, «откуда растут ноги» предлагаемой концепции. Сама концепция выражена в концентрированном виде – для подробной её разработки пока нет материала. Этот материал может появиться в случае реализации практических мер, вытекающих из включённого в сборник проекта Конституции Государства Израиль. Не исключено, что этот проект на том или ином этапе может стать реальным фактом политической жизни Израиля. Но сейчас важно то, что включённые в этот проект нормы могут быть использованы в других государствах. Особенно в случае развития нового мироустройства, предполагающего постепенный переход к разделению государств по идеологическому, а не по

национальному признаку, но такая возможность имеется и сейчас.

Конкретизация концепции социал-индивидуализма выражена в современном еврейском мировоззрении, описанном в проекте конституции для Израиля. Это мировоззрение называется еврейским, поскольку его составляющие указали евреи А. Эйнштейн и Л. Блюм. И потому, что его разделяют современные светские евреи (не ортодоксальные иудаисты – для разъяснения этого отличия в сборник помещена специальная статья). Оно базируется на концепции социал-индивидуализма, которую в силу этого также можно называть еврейской. Но это мировоззрение призвано стать всеобщим. Его господство могут признать допустимым для себя многие люди различных конфессий в Израиле и за его пределами, в силу чего и стало возможным включить его в проект конституции Израиля в качестве основы государства – вместо иудаизма, который в этом качестве признают далеко не все. И это мировоззрение по существу является своим для многих неевреев – «белых евреев», по определению Гитлера. Поэтому есть основания полагать, что концепция социал-индивидуализма, на которой базируется это мировоззрение, может стать объединяющей для прогрессивных сил современного мира. Как это произошло в давние времена с христианством, также явившимся ересью иудаизма. При условии, что последователи этой концепции, в отличие от господствующих течений христианства, не станут маскировать еврейское про-

исхождение концепции. И тем самым предотвратят несчастные события прошлых веков.

Если эта концепция будет развиваться, трудно сказать, какие страны смогут её воспринять в первую очередь. Это могут быть Соединённые Штаты, где господствует индивидуализм, но им тогда придётся отказаться от пиетета перед частной собственностью. Это может быть Китай, где уже преобладает социализм, или Россия, где произошёл Великий Октябрь. Но им тогда придётся отказаться от принудительного коллективизма и «духовных скрепов» с «русской соборностью». В любом случае это будут болезненные решения. Но иные перспективы для мира выглядят гораздо хуже.

Чтобы избежать опасных событий и вывести человечество на путь позитивного развития, необходимы реальные действия политиков в разных странах. Способных повести за собою народные массы или хотя бы на первых порах силовые структуры. Нужны, конечно, и идеологи. Способные развивать дальше концепцию социал-индивидуализма. Ибо я сделал всё, что мог, и нахожусь на последнем этапе своего жизненного пути. Но прежде всего нужны деятели.

Краткие тезисы о социал-индивидуализме

Современная история характеризуется противостоянием между двумя основными моделями общества: капиталистической (включая «реальную социал-демократию», коль скоро она основана на рыночной экономике) и коммунистической (включая анархизм). Обе эти модели содержат не только положительные, но и отрицательные элементы, из-за которых обе они в целом не оправдали себя. В капитализме это рыночная экономика, предполагающая господство сильных, в коммунизме это воспитание нового человека, подчиняющего свою личность коллективу. Предлагается вместо этих двух моделей новая модель, отбрасывающая вышеуказанные элементы угнетения, но при этом сохраняющая то положительное, что есть в капитализме и в коммунизме – индивидуализм и социальную справедливость. Такую модель можно назвать социал-индивидуализмом.

Социал-индивидуализм предполагает доведение до логического завершения тезиса Ю. В. Андропова о социализме как самостоятельной социально-экономической формации. Для этого над коммунизмом производится ампутация: отрезается всё то, что относится к фазе полного коммунизма, включая воспитание нового человека, и остаётся толь-

ко принцип социализма «от каждого – по способностям, каждому – по труду», реализация которого и составляет основное содержание данной социально-экономической модели. Для такой реализации все государственные предприятия объединяются в «единую фабрику», замещение должностей, уровень зарплат и социальных благ в которой предопределяется не усмотрением чиновников и «мнением коллектива», а сверхдетализованными балльными системами оценки прежде всего результатов труда. Это в принципе исключает возможность увольнений, обеспечивает в порядке должностных перемещений практически автоматическую замену менее результативных работников более результативными («социальный лифт»), а в сочетании с тем, что государство принимает на себя обязанности полного страховщика на все случаи жизни, обеспечивает не только социальную справедливость как таковую, но и уверенность в завтрашнем дне, а в более широком плане перерастание устранения эксплуатации человека человеком в **УСТРАНЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА ОТ ЧЕЛОВЕКА.**

В такой системе индивидуализм, а другими словами полная свобода личности, обеспечивается полным невмешательством государства в сферы религии и личных отношений. Государство наказывает только за действия, наносящие материальный ущерб, а со всем моральным и духовным граждане должны разбираться между собой. В том числе в вышеупомянутые балльные системы не должны вноситься

никакие личностные характеристики – для государства человек может быть какой угодно сволочью с точки зрения принятых в обществе моральных стереотипов, только бы давал трудовые результаты и не нарушал закон. Воспитывать же людей, чтобы они были добрыми и порядочными, должны окружающие люди, а также неформальные объединения, в том числе религиозные. Вполне допустимо и воспитание граждан (кроме несовершеннолетних детей, не способных к критике внушаемого им) в духе религиозных и иных традиций. Но без всякой возможности использовать принуждение, в том числе посредством государства. Для обеспечения этого те, чьи религиозные или иные убеждения требуют использования такого принуждения, лишаются возможности участия в политической жизни.

Ограничение функций государства делает возможным более эффективное выполнение им остающихся функций, в первую очередь по ограждению граждан от преступлений. В том числе по предупреждению злоупотребления властью самими работниками государственного аппарата, что, как правило, должно влечь за собой смертную казнь. Потому что совершение умышленного преступления должно рассматриваться как добровольный выход из человеческого общества, что влечёт за собой непризнание за лицами, сознательно совершившими тяжкие преступления, каких-либо прав человека. С тем, что если семья, друзья, священнослужители и т. д. не сумели воспитать в человеке чувство неприемлемо-

сти преступного поведения, он должен быть остановлен – в интересах остальных граждан – страхом перед мощью государства. Сама же заинтересованность людей в преступном обогащении погашается снижением потребности в т. н. престижном потреблении в условиях устранения зависимости человека от человека.

Таково основное содержание социал-индивидуализма. Остальное в основном вариативно.

История моей жизни вблизи политики

Я, Евгений Леонидович Белиловский, был определён своим отцом в школу, где значительное число учеников составляли дети работников МГБ-МВД-КГБ СССР. Там я познакомился с Лёвой Захаровым, который был сыном сначала полковника, а затем генерал-полковника, первого зампреда КГБ Н. С. Захарова. Лёва мне рассказывал много чего интересного, но его предложение стать негласным осведомителем КГБ я отклонил. Затем я был определён, несмотря на робкое (к сожалению) сопротивление, на юридический факультет МГУ, где также была масса выходцев из таких семей, что во многом предопределяло общую антисемитскую атмосферу. К тому же я не пытался познакомиться с учившейся там дочкой Н. С. Хрущёва и не продолжил знакомство на черноморском пляже с его внучкой. В общем манкировал системой, чего система не прощает в принципе и не простила мне. Было заведено персональное дело за то, что я попытался в ответ на заведомо неправильную характеристику написать свой вариант, и несмотря на старания моего научного руководителя (впоследствии зав. кафедрой МГУ проф. В. П. Грибанова) не был рекомендован в аспирантуру и попал в адвокатуру, которую я ненавидел. Но продолжил своё

стремление попасть в науку и тем самым погрузился в сферу политики, ибо юридическая наука суть часть политической системы.

Ко мне это относилось особенно, ибо идеи моей дипломной работы, впоследствии воплощённой в диссертацию, затрагивали – как я понял лишь впоследствии – самую суть системы. Я предложил ввести государственную регистрацию научных результатов и на основе оценки этих результатов принимать все решения, касающиеся науки, прежде всего кадровые. А по сложившейся в СССР практике решения государственных и партийных органов принимались на основе рекомендаций и заключений научных учреждений. Т. е. то, что происходило в науке, предопределяло, что будет происходить в стране. Существовавшая же система замещения научных должностей и присуждения учёных степеней путём тайного голосования на Учёных Советах позволяла людям, захватившим ведущее положение в науке, не допускать «чужаков», способных высказывать иные подходы, и тем самым монополизировать принятие решений. И это резко ограничивало возможность даже высших инстанций, включая Политбюро, определять жизнь страны. Естественно, научную элиту такое положение дел полностью устраивало, и моя деятельность активно блокировалась. Сначала диссертацию удалось защитить лишь со второй попытки, затем отклонялись разрабатывавшиеся мною методики оценки деятельности научных работников и проекты правительственных по-

становлений. Удалось пробить лишь изменение в Положение о присуждении учёных степеней и научных званий, но оно касалось лишь необходимости особого выделения научных результатов в авторефератах диссертаций, сам же порядок оставался прежним.

Мою диссертацию первоначально отвергли, поскольку «ничего в мире ничего подобного нет», а советские обществоведы занимались в основном переносом на советскую почву западных моделей. В результате такая практика привела в числе прочих факторов к разрушению социалистической системы: это не связано с качествами социализма и капитализма, это просто нарушение принципа системности – если в чёрно-белый телевизор вставить цветные блоки, он не станет от этого немножко цветным, он просто перестанет работать – что и произошло с социализмом.

Находясь вне системы, я всё же стремился как-то повлиять на её преобразование. Началось это с того, что мой товарищ по учёбе предложил мне принять участие в деятельности полуподпольного Союза истинных коммунистов. Полуподпольного потому, что в него входил ряд ответственных деятелей (кто – я не спрашивал), они устраивали встречи на правительственных дачах (как я понял – с девочками), а их работа заключалась в том, чтобы передавать материалы, компрометирующие тех, кого надо было убрать. Я отказался как заниматься передачей материалов – за большие деньги, так и вообще вступать в организацию и приносить соответствующую

щую клятву. Но я согласился бесплатно и анонимно готовить для организации аналитические работы. Первый из моих материалов («выдра») назывался «Выборочная репрессия как инструмент власти». Впоследствии я изменил многие взгляды, изложенные в этих материалах, но тогда они понравились организации. А товарищ, вовлекший меня в это дело, обеспечил смещение с поста Председателя КГБ В. Е. Семичастного, что привело к занятию этого поста Ю. В. Андроповым. За это мой товарищ получил повышение и стал одним из руководителей организации. Это вскружило ему голову, и он задумал провести внутренний переворот в организации, затем государственный переворот и возглавить партию и государство. Мне он предложил пост министра иностранных дел в своём правительстве, но я сказал, что ничего не понимаю во внешней политике, и согласился занять пост министра внутренних дел – укрупнённого, как при Л. П. Берии.

Берией-2 я так и не стал, кончилось это тем, что моего товарища (сейчас его уже нет) спровоцировали на взятке и посадили. Я убедился в том, что организация на самом деле существовала (было подозрение, что это блеф), когда навёстил его в Лефортовской тюрьме, где он отбывал наказание в двухместной камере, работая в библиотеке – по характеру его официального дела это было совсем не положено. Но товарищ мне сказал потом, что кого-то реально посадили за участие в организации, и я в течение многих лет вёл себя крайне осторожно, стараясь не высовываться, чтобы не под-

вергнуться аресту. Моя тогдашняя жена этого не понимала, считала меня безвольной тряпкой – в отношении моего поведения в происходивших конфликтах. Наверное, так думали и некоторые другие, но я не мог же объяснить, в чём дело.

В течение периода вынужденного ограничения активности я занимался дальнейшим развитием своих взглядов и созданием на их основе общей социально-экономической модели государства. Главными составляющими этой модели являлись: а) введение подбора кадров по всей стране не на основании чьего-либо усмотрения, а по жёстко формализованным балльным системам оценки результатов труда, что должно было привести к развитию устранения эксплуатации человека человеком в **УСТРАНЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА ОТ ЧЕЛОВЕКА**; б) отмена самостоятельности всех государственных предприятий и преобразование всего народного хозяйства в «единую фабрику» (В. И. Ленин), планируемую и управляемую на основе компьютерных программ; в) резкое расширение применения смертной казни и облегчение расследований по делам о преступлениях в сфере управления.

Через 14 лет после разгрома Союза истинных коммунистов я решился выйти на поверхность и 5 ноября 1981 г. направил подробное письмо о своих предложениях на имя К. У. Черненко (тогда член Политбюро, секретарь ЦК КПСС), Э. А. Шеварднадзе (тогда первый секретарь ЦК КП Грузии, где началась борьба с протекционизмом) и В. Г. Куликова

(тогда начальник Генштаба ВС СССР, проявивший интерес к оригинальным подходам и отсутствие антисемитизма). Это письмо, в отличие от обычной практики, не было никуда направлено, а осталось в ЦК КПСС. Меня принял инструктор ЦК В. С. Шевцов, посоветовавший мне написать статью в центральный советский юридический журнал. С его подачи редколлегия журнала «Советское государство и право» приняла статью, и в № 8 за 1982 г. она была опубликована под заголовком «Протекционизм и правовые средства борьбы с ним»; в этой статье было введено понятие **НОРМАТИВИЗАЦИИ** управления как основного средства борьбы с протекционизмом, наряду с усилением уголовно-правовых мер. Впоследствии другие составляющие моей модели социализма были опубликованы в малочитаемых изданиях, а эта статья была отмечена в № 1 за 1983 г. как вызвавшая наибольшее число откликов за весь 1982 г.

Эти отклики так и не были опубликованы, а мои предложения не рассматривались для практического применения. Это было связано, очевидно, с тем, что после принятия статьи к публикации В. С. Шевцов был арестован по спровоцированному обвинению в контрабанде, после чего его сменил в ЦК разговаривавший со мной очень холодно. Впоследствии В. С. Шевцов вышел на свободу и вернулся к научной работе. Так что можно сказать, что он легко отделался. Ещё легче отделался я – всего двумя годами безработицы. Другим, на кого я опирался, повезло гораздо меньше –

они заплатили жизнью: акад. В. М. Глушков, выдвинувший идею ОГАС (общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством страны), принятой несколькими съездами КПСС, но так и не воплощённой в жизнь (в «научных» кругах его называли Трофимом Денисовичем – так звали акад. Лысенко), скоропостижно скончался в возрасте 58 лет, а кандидат в члены Политбюро П. М. Машеров, выступавший за борьбу с престижным потреблением и за изъятие детей из семей ответственных работников, чтобы не создавать номенклатурного дворянства, погиб в автомобильной катастрофе, которую его дочь назвала убийством. ТАК ГОТОВИЛАСЬ ПЕРЕСТРОЙКА...

Тем не менее я продолжал свою деятельность. Я написал книгу о борьбе с «ГРУППОКРАТИЕЙ» (так я называл сложившуюся практику управления группами деятелей, отстаивавших свои интересы), где подробно изложил свои идеи. Эта книга не была опубликована, потому что, как мне разъяснили, советские граждане привыкли воспринимать любое печатное слово как руководство к действию. Тогда мои предложения были включены в набор идей, поданный одним товарищем от имени анонимной группы лиц руководству партии. Как мне сказали, тогдашний Генеральный Секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко включил мою формулировку о преодолении группократии в проект Программы КПСС, но К. У. Черненко вскоре скончался, а сменивший его М. С. Горбачёв всё это вычеркнул. Перестройка пошла в направ-

лении, прямо противоположном тому, за которое ратовал я, и великая страна перестала существовать.

В условиях возникшей РФ я стремился реализовать свои идеи через многочисленные новые структуры. Опубликовал ряд статей и выступал на многочисленных сборищах, в том числе на съезде ЛДПР Жириновского. Членом никаких партий я, впрочем, никогда не был и выступал от имени созданной мной малюсенькой структуры, называвшейся одно время «Социальная справедливость». А мои контакты с Жириновским кончились тем, что я пришёл к нему и предложил использовать свои идеи в избирательной кампании, на что получил ответ, что его не интересуют никакие идеи, а нужны люди и деньги. Вспоминается эпизод, когда я выступал на многотысячном митинге вблизи ВДНХ в Москве – сначала были крики «Не хотим слушать этого картавого», потом наступила тишина, а в конце были бурные аплодисменты. Но это заставляло призадуматься – на чью мельницу я лью воду, пусть и с абсолютно правильными идеями, сулившими конец несчастий многомиллионного народа?

В качестве члена Политсовета движения «Трудовая Москва» я установил контакт с многочисленными коммунистическими партиями и движениями, существовавшими в то время. И на выборах в Госдуму 1995 г. одна из этих партий предложила мне возглавить один из её региональных списков, что давало в случае вообще прохождения партии реальное место. Я согласился и предложил включить ещё

ряд моих товарищей. Они испугались, видимо, что я создам свою фракцию, и засунули всех на нереальные места, вопреки имевшейся в отношении меня договорённости. В таком виде список был опубликован, но мы все дружными рядами сняли свои кандидатуры. Это стоило партии провала всей затеи, потому что они собирали подписи для регистрации списка не там, где нужно, и в результате список не был зарегистрирован; если бы я был, то, будучи неплохим юристом, такого бы не допустил.

Выйдя из списка одной партии, я предложил свои идеи и кандидатуру другой, также выдвинувшей меня на съезде, но по одномандатному округу, где надо было самому собирать подписи. Это оказалось для меня абсолютно неподъёмным делом и в конце концов вынудило меня согласиться с фактом, который до тех пор я упорно не хотел признавать – моей абсолютной неспособностью что бы то ни было организовать. Это было связано с поражением правого полушария головного мозга, установленным позднейшим медицинским обследованием и вызванным заболеванием с раннего детства: когда мне было две недели, были перепутаны порошки и мне дали средство, в дозе, в два раза превышающей смертельную дозу взрослого, и тётя приехала на мои похороны; похороны не состоялись, но с тех пор я лишился значительной части эмоционального восприятия, необходимого в том числе для организации деятельности людей. Это восполняется, однако – как бывает всегда при какой-либо ущербно-

сти, усиленным развитием левого полушария, отвечающего за логическое мышление, что и позволяет мне лучше других выдвигать оригинальные идеи. Так что я говорю – я левый во всех отношениях.

Непонимание этой своей особенности явилось причиной допущенной мной в тот период серьёзной ошибки. Мою «Социальную справедливость» было предложено возглавить полковнику запаса Уражцеву, за спиной которого стояли многотысячные сторонники, которых он повёл на штурм ельцинского режима в трагические дни 1993 г. Я отказался – как это так, мою организацию отдают кому-то другому. А надо было хотя бы попробовать предложить Уражцеву объединить его способность вести массы с моими идеями, обозначающими конкретную замену существовавшей системы – такую замену, которая бы обеспечила достойный уровень благосостояния в условиях личной свободы без разгула преступности и перспектива которой позволила бы сплотить на политические действия критическую массу народа. Ещё один упущенный шанс...

Как бы то ни было, в конце 1995 г. я должен был оценить дальнейшие перспективы. И я увидел, что продолжение моей деятельности может помочь победить на президентских выборах 1996 г. Зюганову, национал-социалисту, называющему себя коммунистом. Поэтому я решил прекратить всякую политическую деятельность, выйти из всех структур и уехать в Израиль. Когда при проверке оказалось невозмож-

ным немедленно совершить репатриацию из-за жилищной проблемы, я решил ожидать изменения ситуации, а пока только время от времени совершать демонстративные шаги, не предпринимая каких-то собственных практических действий, но что-то оставить россиянам, чтобы они по желанию могли этим воспользоваться.

Перед очередными выборами в Госдуму 1999 г. одна из партий высказала желание заслушать меня на своём съезде. Но в этот момент я получил разрешение на эмиграцию в Германию; в Израиль по-прежнему ехать было невозможно, и я решил хотя бы попробовать, хотя было мало шансов, что я в Германии приживусь, и я говорил товарищам, что это будет только туристская поездка. Поэтому я уехал, не дожидаясь съезда и оставив России в качестве прощального подарка своё заявление в Конституционный Суд РФ о неконституционности требования сбора подписей для кандидатов в Президенты РФ, предлагающих оригинальные политические программы. Правда, «патриоты» угрожали, что не дадут мне возможности уехать, но я уехал благополучно, а в Германии получил вместо ожидавшегося отказа Конституционного Суда по существу заявления (после чего я счёл бы свой долг перед Россией выполненным – не хотите, как хотите) отказ в самом принятии заявления по мотиву непредставления отказа от органа, практически рассматривавшего данный вопрос. Это означало, что я должен был представить в Центризбирком РФ свою кандидатуру, получить от-

каз по мотиву невыполнения требования закона и лишь затем заявить в Конституционный Суд о неконституционности этого самого закона. Практически это означало, что в случае удовлетворения моего заявления Конституционным Судом (а юридически я всё написал правильно) выборы 2000 г. будут признаны недействительными, а тем, кто опасался такого развития событий, следовало обеспечить регистрацию моей кандидатуры. Никакого Путина тогда в политической природе не было и все перспективы России были покрыты мраком. У меня перед глазами возникла телевизионная картинка «три пули в кандидата в Президенты» и более реальная перспектива физической и нервной перегрузки, которую мой слабый организм мог не выдержать. Поэтому я решил в этих играх не участвовать, написал жалобу на отказ в принятии заявления, которая, естественно, была отклонена, и остался пока в Германии.

Меня впоследствии мучила мысль, не являлось ли это решение, принятое в солнечный августовский день 1999 г., предательством народа России. И я пришёл к твёрдому выводу – нет, не является. Я честно и добросовестно выполнял свои обязанности перед советским и российским государством и никогда бы не навредил России, но я всегда был чуждым элементом там – где я не принадлежал к государствообразующей нации. И поэтому чем-то рисковать ради России я не был обязан. В отличие от Израиля, где я не уезжал в дни обстрелов из Ашкелона – для того, чтобы пока-

зять – евреи не уезжают, их не запугать. И возможность стать Президентом РФ я никогда всерьёз не рассматривал – хотя и был один деятель, который упорно доказывал мне, каким он был бы хорошим премьер-министром при мне как президенте.

Как и следовало ожидать, в Германии я не прижился, в 2000 г. вернулся в Россию, а в 2003 г., когда появилась возможность продать квартиру в Москве и купить в Израиле, репатриировался в Израиль. Перед отъездом я ознакомил со своими идеями партию «зелёных», руководитель которой эти идеи одобрил и, наверное, если бы я не уехал, включил бы меня в список партии на выборах этого 2003 г. Но я уехал и правильно сделал, потому что недавно видел картинку, как этот руководитель пенял С. Удальцову, что он связался с евреями. Для России же я оставил свои материалы, и после моего отъезда товарищ передал их в архив политической истории.

В Израиле все эти опубликованные и неопубликованные материалы пропали. После моего въезда в новую квартиру и до того, как я поменял ключи, папка с ними, вместе с папкой с семейными фотографиями, пропала (папка, где были деньги, осталась нетронутой). Но моя голова осталась на месте, и я постарался её использовать для блага Израиля.

Ознакомившись с израильскими реалиями, я стал публиковать статьи с появившимися у меня идеями, как улучшить положение дел в сферах социально-экономической и

внутренней безопасности (исходя из своих предыдущих концепций), организации государственного управления и специфических для Израиля отношений государства и религии и обеспечения мира. Всё это вылилось в проект Декларации о современном еврейском мировоззрении как основе законодательства Государства Израиль. Эта Декларация была предложена в качестве конституционного акта, призванного отвернуть Израиль от опасного пути превращения в теократию с привкусом расизма и поставить его на иную дорогу – творца научно-технических и социальных инноваций для блага своего и всего мира.

Дальнейшие материалы я написал в Интернете и предлагал для обсуждения в различных политических группах Фейсбука, где встречал возражения как со стороны приверженцев божественной избранности Израиля и еврейского народа и, соответственно, его противостояния всему остальному миру и невозможности какого-либо мирного соглашения с палестинскими арабами, так и со стороны сторонников «гуманизма» в отношении преступников внутри страны и внешних врагов. Вместе с тем появилось определённое количество людей, полностью или хотя бы частично разделяющих мои подходы. Наиболее принципиально новым в этих материалах являются: а) обоснование признания евреев и иудеев (приверженцев ультраортодоксального иудаизма) двумя разными народами; б) описание предлагаемого нового миропорядка на основе не национальных, а идеологических госу-

дарств; в) доведение моих социально-экономических взглядов до уровня стройной концепции социал-индивидуализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.